

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
Ш29

Maxime Chattam
LA PATIENCE DU DIABLE

Серия «Короли французского триллера»
Перевод с французского *Ольги Павловской*
Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Шаттам, Максим.

Ш29 Терпение дьявола : [роман] / Максим Шаттам ; [перевод с французского О. Павловской]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Короли французского триллера).

ISBN 978-5-17-115014-3

Полицейский рейд бригады по борьбе с наркотиками оборачивается ужасным открытием. В багажнике автомобиля обнаружены фасованные пластиковые пакеты с кусками человеческой плоти... Но кому мог понадобиться столь жуткий товар? В то же самое время на другом конце Парижа двое подростков устраивают кровавую бойню в скоростном поезде... Тут и там в городе начинают находить обезображенные трупы пропавших людей.

И это только начало...

Лейтенант Парижского отдела жандармерии Лудвина Банкер вскоре понимает, что эти на первый взгляд не связанные друг с другом происшествия ведут к одному источнику. В самом сердце страха. Дьявол слишком долго ждал за кулисами, теперь ему не терпится выйти на сцену.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-115014-3

© Maxime Chattam, 2014
© Editions Albin Michel, 2014
© Павловская О., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Если вы хотите прочитать этот роман, погрузившись в ту же атмосферу, в какой я его писал, советую во время чтения отрешиться от внешнего мира с помощью саундтреков:

- Йохана Йоханссона к «Пленницам» (Prisoners);
- Марка Штрайтенфельда к «Прометею» (Prometheus);
- Марка Штрайтенфельда к «Схватке» (The Grey);
- Говарда Шора к «Молчанию ягнят» (The Silence of the Lambs);
- Дэниела Пембертона к «Экстрасенсу» (The Awakening).

*Всем тем, кто помог мне обрести форму
и содержание. Моим родителям, моей семье,
моим учителям, друзьям и супруге.*

*Вы камни, из которых сложен мой дом,
и когда снаружи гуляют буйные ветра,
благодаря вам я крепко сплю каждую ночь.*

Они здесь, вокруг нас, совсем близко,
обустроились во мраке и тишине. Они не-
зримы, и навести нас на след могут лишь
отголоски существования чудовищ — их
преступления.

*Джошуа Бролин**

Самая изысканная уловка дьявола —
убедить вас, что его не существует!

*Шарль Бодлер***

* Из предыдущего романа Максима Шаттама «Первобытное зло» (*La Conjuración primitive*).

** Строчка из стихотворения Ш. Бодлера «Великодушный игрок» (*Le Joueur généreux*).

Пролог

Зверски не хватало драйва, и Силаса это напрягало. Он давным-давно придумал себе, как все будет, и с нетерпением ждал этого дня, вот этого самого момента, подпрыгивая на месте, как ребенок в канун Рождества. И что же теперь? Жалкий намек на радость. Зато Пьер был счастлив — его глаза сияли, с лица не сходила идиотская ухмылка, с тех пор как они вдвоем добрались до вокзала Монпарнас. При том, что с самого начала именно он, Силас, проявлял самый жаркий энтузиазм, именно он почти не колебался, принимая решение, — а сейчас Пьер буквально раздувался от гордости.

Силас остановился под информационным табло, вдохнул аромат горячей выпечки из буфета. Нужно название поезда долго искать не пришлось — оно уже было там, горело большими буквами, а сияющая надпись места назначения, Андай*? обещала долгие и безмятежные каникулы, заслуженный отдых. Вечный покой.

«Не совсем каникулы, конечно, — мысленно поправился Силас, — но что-то типа того».

Номер платформы тоже появился; Силас ткнул Пьера кулаком и указал на табло. Пьер, сосредоточенно наблюдавший за толпой, которая безудержно заполняла зал ожидания, вздрогнул.

— Пошли, поезд прибыл.

Оба подростка закинули на плечи тяжелые сумки и погрузились в бурный поток национального трудового ресурса на пике ежедневной миграции. Проходя мимо киоска с сэндвичами, Пьер задержался купить апельсиновый сок, предварительно стрельнув деньги у товарища, и жадно осушил его в несколько глотков. Си-

* Андай — французский курортный город на берегу Бискайского залива. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — прим. пер.*

лас предпочел воду «Эвиан». Допив, бросил пустую бутылку на пол. Она откатилась на несколько сантиметров и угодила в жернова утренней суматохи: Силас смотрел, как бутылка от удара идеально начищенного «вестона» отлетела под подошву плотницкого башмака, захрустела горлышком, смятая под его весом, и отправилась дальше в раскошегаренную дробилку. Отскочила от пятки мехового «угга» — вообще-то было начало мая, но присутствие «уггов» никого, кроме Силаса, не удивило, — и исчезла в недрах шагающего тысяченого механизма. Вся эта махина неумолимо перла вперед, завораживая ритмом и динамикой. Никто бы не сумел остановить ее безудержный натиск.

Двое подростков помедлили у выхода на платформу; ремни сумок ощутимо врезались в плечи. Поезд уже стоял у перрона, и в него активно загружались когорты пассажиров.

— Чувствуешь что-нибудь? — шепнул Пьер, задыхаясь от эйфории.

Кроме слишком яркого, переливчатого блеска обшивки скоростного поезда, Силас не замечал ничего особенного ни во внешнем мире, ни в себе. Он был до ужаса, до разочарования спокоен.

— Нет пока.

— Да ладно! Ты вообще норм, нет? Я на месте устоять не могу. Музыка взял?

— Ясное дело. У меня айпод полностью заряжен.

— А темные очки?

— Есть.

— Крем для загара и панамка?

На этот раз Силас молча, без улыбки, уставился на Пьера.

— Ой, да расслабься, — буркнул тот. — Пошутить, блин, нельзя...

Тут Силас заметил мужчину, который странно на них пялился. Высокий тощий тип с седыми волосами, гладко зализанными на висках, был одет как махровая деревенщина — в жилетку из другой эпохи и вельветовые штаны. Он, похоже, чувствовал себя уютно. Помаялся, затянулся электронной сигаретой, затем поднял сумку, видимо, очень тяжелую, и полез в вагон.

Пьер щелкнул Силаса по уху:

— Пора. Мне туда.

— Ага, тебе в первый класс, мне во второй...

До отбытия поезда оставалось еще минут десять, но топтаться на платформе не было смысла.

— Встретимся в вагоне-ресторане, — добавил Силас. Он зашагал к составу, но Пьер поймал его за руку:

— Эй!

Теперь улыбка Пьера была почти грустной. Семнадцать лет, черный ежик волос, густые взъерошенные брови сурово нахмурены. Он вскинул кулак, и Силас, сжав пальцы, тоже поднял руку. Кулаки столкнулись.

— Радоваться нужно, Силас, а ты морду кривишь. Блин, сегодня же великий день! Что не так?

— Ничего. Все хорошо.

— Точно?

Силас придал себе веселый вид, чтобы успокоить друга:

— Просто никак не проснись.

— Так давай просыпайся, чувак, поезд сейчас тронется, блин!

— Да я в порядке, не переживай.

Пьер понял, что докапываться бесполезно, и пожал плечами:

— О'кей. Тогда увидимся в вагоне-ресторане.

Подростки разошлись в разные стороны. Силас прогулялся вдоль состава, отыскал свой вагон и, пока стоял в очереди на посадку с группой пассажиров, скользнул взглядом по собственному отражению в стекле. Он был бледнее обычного, хотя, казалось бы, куда уж бледнее — его и так часто принимали за альбиноса из-за слишком белой кожи и светлых волос. Но сегодня вид был болезненный. Наконец он шагнул в тамбур и, положив сумку в багажный отсек у самого входа, занял свое место в вагоне.

Когда по громкой связи объявили о скором отбытии, драйв все-таки начал потихоньку проявляться: защекотало внизу живота, по ногам побежали мурашки. Ну вот, наконец он хоть что-то почувствовал! Еще Силас заметил, что любой, самый слабый, огонек теперь кажется чересчур ярким. Может, из-за охватившей его эйфории?.. Прозвучали слова «прошу прощения», сказанные женским голосом, и рядом села симпатичная девчонка в мини-юбке и непрозрачных колготках. Силас обожал девчонок в непрозрачных колготках — считал, что так их ноги смотрятся особенно красиво. Появление соседки он истолковал как благоприятный знак и теперь уже не смог сдержать улыбку. А потом ощутил, что напряжение уходит, уступая место пьянительному чувству пассажира отбывающего поезда. Они с Пьером сидели здесь, в скоростном поезде, и вдруг Силас впервые полностью осознал происходящее, как будто раньше он был все-

го лишь сторонним наблюдателем. Раздался звучный гудок, извещавший о закрытии дверей, — и сердце пустилось вскачь, ладони взмокли.

Соседка, достав электронную книгу, погрузилась в чтение невидимого никому, кроме нее, романа. Силас этих штучек не понимал. Разве можно читать, не переворачивая страницы? А как же приятная тяжесть тома в руках? Шероховатость обложки? Отпечатки разных моментов жизни на страницах — след грязного пальца, клякса от кофе, ресница, упавшая в канавку переплета и оставшаяся там на десяток лет, уголок листа, загнутый тобой, чтобы отметить значимый отрывок или просто чтобы запомнить незнакомое слово? Нет, всеобщая мания читать с экрана была ему чужда. Это же все равно что читать не книгу, а ее *призрак*.

Как-никак в *призраках* Силас кое-что смыслил.

Он принялся краем глаза наблюдать за девушкой.

Бедняжка не знала, что ее ждет. Поглощая один за другим романы, она вступает в контакт с населяющими их призраками, и в итоге призраки подчинят ее своей воле. Они будут потихоньку проникать в ее сознание, проходя сквозь экран, слово за словом, станут просачиваться в кору головного мозга вместе с экранным излучением. Потому что текст, отпечатанный на бумаге, покорно дожидается, когда книгу откроют и начнут в него погружаться, но электронная читалка — другое дело. От нее исходят волны, распространяется электромагнитное поле или что-то вроде того, переполненное словами, и вызывает бесконтрольный семантический резонанс, подсознательные отклики, которые в конце концов превращаются в голоса.

Одержимость. Ей грозит одержимость.

Мурашки бежали уже по всему телу. Силас должен был стать свидетелем событий, в которые здесь, кроме него, никто не смог бы поверить. Но он-то знал, что к чему.

Поезд качнулся, и ландшафт за окном медленно пополз назад.

Покалывание в ногах превратилось в дрожь, оцепенения как не бывало. Силас уже не мог усидеть на месте — хотелось вскочить, прийти в движение. Однако он продолжал смирно сидеть рядом с девушкой, которой грозила одержимость, и терпеливо ждал, то и дело поглядывая на часы.

За пять минут до начала Силас поднялся с кресла. Бросил взгляд на соседку — призраки определенно уже завладели ее волей, потому что она никак не отреагировала, — и вышел в тамбур. Оты-

скав свою сумку в большой куче багажа, он достал айпод и сунул в уши «затычки».

8 часов 58 минут.

У него оставалось еще две минуты. Силас закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. С самого приезда на вокзал где-то в глубине глазниц пульсировала боль; любой, даже слабый свет слепил, и цвета казались слишком яркими. Он вспомнил, что в боковом кармане сумки лежат солнцезащитные очки, вытащил их и надел. Сразу стало легче. Еще одно преимущество: так не видны его зрачки. Никто не имеет права смотреть ему в глаза — люди этого не заслужили. Его глаза хранят тайну.

8 часов 59 минут.

Секунды вели обратный отсчет, вот-вот должно было сравниться 9.

Теперь сердце Силаса стучало быстро и мощно — казалось, от его ударов колышется футболка цвета хаки. Сердце словно требовало действовать без промедления.

Пьер, наверное, уже занял позицию.

Силас скользнул взглядом по окну — за ним простирались поля до самого горизонта. Отлично, так и задумано. Он ткнул пальцем кнопку «плей» на айпode, и в ушах заиграла музыка. Орельсан «Социальное самоубийство»*. Подходящая песня.

Быстрыми, уверенными движениями Силас надел снаряжение, затем достал из сумки свое орудие истины и шагнул в вагон.

На мгновение ему почудился глухой шум в отдалении, но, скорее всего, он ошибся. Хотя, возможно, Пьер уже приступил к делу.

Силас внимательно оглядел пассажиров в первых рядах — все сидели, уткнувшись в смартфоны, ноутбуки, планшеты или журналы. Он сотню раз проигрывал в воображении эту сцену, и всегда в его фантазиях люди кричали. А тут была тишина. На него как будто никто не обращал внимания.

Прошло несколько долгих секунд — за это время он успел хорошенько изучить обстановку и выбрать того, кто станет первым. Силас даже не надеялся, что ему так повезет.

И вдруг раздался женский визг.

Женщина в пятом ряду вытаращенными глазами смотрела на оружие в его руках и без умолку верещала, не двигаясь с места, парализованная страхом.

* Орельсан (наст. имя Орельен Котантен; р. 1982 г.) — французский рэпер.